

ФАМИЛЬНЫЙ УЗЕЛ

ДОМЕНИКО СТАРНОНЕ

Доменико Старноне
Фамильный узел

Издательство «Синдбад»

2014

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Старноне Д.

Фамильный узел / Д. Старноне — Издательство «Синдбад», 2014

ISBN 978-5-00131-068-6

Муж, жена, двое детей... Обычная семья. Как часто бывает, за благополучным фасадом скрывается взаимное непонимание, постепенно перерастающее в раздражение и озлобленность – супругов друг на друга, детей на родителей. Можно ли заново склеить однажды разбитую жизнь, как склеивают разбитую вазу? А главное, стоит ли? Роман Доменико Старноне состоит из трех частей, в каждой из которых автор поочередно предоставляет право голоса всем участникам семейной драмы – жене, мужу и детям, – позволяя читателю выслушать соответствующую версию событий и сделать собственный вывод о том, почему жизнь этих людей обернулась личной катастрофой.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-00131-068-6

© Старноне Д., 2014
© Издательство «Синдбад», 2014

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
1	6
2	6
3	9
4	9
5	10
6	11
7	12
8	12
9	13
Книга вторая	14
Глава первая	14
1	14
2	16
3	18
4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Доменико Старноне

Фамильный узел

Domenico Starnone

LACCI

Copyright © 2014 by Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018.

Книга первая

Глава первая

1

Если ты об этом забыл, многоуважаемый синьор, придется тебе напомнить: я – твоя жена. Знаю: когда-то тебе это нравилось, а сейчас вдруг стало раздражать. Знаю: ты делаешь вид, будто меня не существует, и никогда не существовало, потому что тебе не хочется терять лицо перед людьми из высшего общества, у которых ты бываешь в гостях. Знаю: вести размеренную жизнь, возвращаться домой к ужину, спать со мной, а не с кем тебе приспичило, – от всего этого ты чувствуешь себя кретином. Знаю, тебе стыдно сказать вслух: видите ли, я женился 11 октября 1962 года, в двадцать два года; видите ли, я сказал «да» перед алтарем в церкви квартала Стелла, и сделал это исключительно по любви, а не для того, чтобы загладить вину или что-то в этом роде; видите ли, на мне лежит определенная ответственность, а если вам непонятно, что такое ответственность, то вы жалкие, мелкие людишки. Я знаю это, прекрасно знаю. Но хочешь ты этого или нет, факт остается фактом: я твоя жена, а ты мой муж, мы женаты двенадцать лет – в октябре исполнится двенадцать – и у нас двое детей, Сандро, родившийся в 1965 году, и Анна, которая родилась в шестьдесят девятом. Может, показать тебе свидетельства о рождении, чтобы ты очухался?

Ладно, я погорячилась, извини. Я же тебя знаю, ты порядочный человек. Только пожалуйста, как только прочтешь это письмо, сразу же возвращайся домой. А если ты еще не готов это сделать, напиши мне и объясни, что происходит. Обещаю, что постараюсь понять. Мне уже ясно, что тебе нужно больше свободы, и здесь ты прав, я и дети постараемся сделать так, чтобы стеснять тебя как можно меньше. Но ты должен обстоятельно рассказать мне, что у тебя с этой девушкой. Прошло шесть дней, а ты не звонишь, не пишешь, не даешь о себе знать. Сандро спрашивает, где ты, Анна отказывается мыть голову, потому что, говорит она, только ты умеешь правильно высушить ей волосы. И не надо клясться, что эта синьора или синьорина тебя не интересует, что ты больше не будешь с ней видеться, что она ничего для тебя не значит, что она стала лишь спусковым крючком для кризиса, который назревал у тебя уже давно. Такими разговорами ты не отделаешься. Скажи мне, сколько ей лет, как ее зовут, чем она занимается – учится, работает или просто сидит дома. Держу пари: она первая тебя поцеловала. Ты ведь неспособен проявить инициативу – если тебя не завлечь, сам ты с места не сдвинешься. А сейчас ты в растерянности, я помню твой взгляд, когда ты сказал, что изменил мне. Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, ты еще не осознал, что сделал со мной. Ты словно засунул руку мне в горло и стал тянуть, тянуть, тянуть, пока не выдернул то, что у меня в груди. Ты хоть понимаешь это?

2

Когда читаешь твое письмо, создается впечатление, что я палач, а ты жертва. Такого я не потерплю. Я стараюсь изо всех сил, выдерживаю напряжение, которого ты даже представить себе не можешь, а жертва, оказывается, ты? Почему? Потому что однажды я чуть-чуть повысила голос, потому что я разбила графин с водой? Пусть так, но ты должен признать: у меня были на то причины! Ты неожиданно явился домой после месячного отсутствия. Ты казался спокойным, даже ласковым. Я подумала: ну вот, он опять стал самим собой. А ты невозмутимо

сообщил мне, что особа, которая четыре недели назад была, на твой взгляд, абсолютно неинтересной, – наконец-то ты счел нужным произнести ее имя, назвал Лидией, – вдруг обрела такую значительность, что ты теперь не можешь без нее жить. За исключением того момента, когда ты обмолвился о ее существовании, ты все время говорил со мной так, словно выполнял простую формальность, и мне оставалось только сказать: ладно, убирайся к своей Лидии, спасибо за все, постараюсь больше не осложнять тебе жизнь. А как только я попыталась возразить, взбунтоваться, ты перешел к общим разговорам о семье: роль семьи в истории, место семьи в современном мире, семья, в которой ты вырос, наша с тобой семья. По-твоему, я должна была покорно слушать это и молчать? На что ты рассчитывал? Иногда ты бываешь смешон: рассказываешь очередной сальный анекдот, а потом начинаешь рассуждать о глобальных проблемах, как будто этого достаточно, чтобы сгладить впечатление. Но я уже сыта по горло твоими штучками. Ты в сотый раз патетическим тоном (которым обычно не пользуешься) стал рассказывать мне, как ужасные отношения между родителями отравили тебе детство. Даже придумал эффектный образ: отец как будто обмотал маму колючей проволокой, и всякий раз, когда железное острие вонзалось в ее тело, ты чувствовал боль. Потом перешел к нашей семье. Твой отец, объяснял ты, причинил вам всем столько горя, что тебя до сих пор преследует воспоминание о нем, – о человеке, который сам был несчастен и сделал несчастными вас, – поэтому сейчас ты боишься причинить горе Сандро, Анне и особенно мне. Видишь, я не упустила ни одного слова из этой речи. Ты спокойно, с умным видом нес какую-то чушь о том, как мы, вступив в брак, стали пленниками исполняемых нами ролей – мужа, жены, матери, отца, детей, и ты описал нас – меня, себя, наших сына и дочь, – словно мы были винтики в бездушном механизме, обреченные вечно повторять одни и те же бессмысленные движения. Ты говорил еще долго, иногда цитировал какую-нибудь книгу, чтобы заранее отмести мои возражения. Сначала я подумала: наверно, с ним случилась беда, и он не в состоянии вспомнить, что я – живой человек, со своими чувствами, мыслями, собственным голосом, а не героиня пьесы для кукольного театра, которую он тут передо мной разыгрывает. Только позже я поняла: ты делал это, чтобы мне помочь. Хотел внушить мне, что, разрушая нашу совместную жизнь, ты, по сути, освобождаешь меня и детей, и мы должны быть благодарны за такое великодушие. Ах, спасибо, очень мило с твоей стороны. И ты еще обижаешься, что я после этого выгнала тебя из дому?

Альдо, прошу тебя, одумайся. Нам нужно поговорить серьезно, я должна понять, что с тобой происходит. Во все время нашей долгой совместной жизни ты проявлял нежность и заботу как ко мне, так и к детям. Уверяю тебя, ты нисколько не похож на своего отца, и у меня ни разу не возникало ощущения, что я обмотана колючей проволокой, а все мы – винтики в каком-то механизме, – или что ты там еще плел. Но в последние годы мне стало казаться, будто в наших с тобой отношениях что-то изменилось: ты стал заглядываться на других женщин. Я прекрасно помню ту незнакомку в кемпинге, два года назад. Ты устроился в тени и читал часами подряд. Говорил, что очень занят, не обращал внимания ни на меня, ни на детей, все время читал или писал, усевшись под соснами или разлегшись на песке. И поднимал глаза только для того, чтобы взглянуть на нее. А потом сидел с приоткрытым ртом, как обычно бывает, когда в голове у тебя появляется какая-то смутная мысль и ты пытаешься придать ей четкую форму.

Я тогда сказала себе: ну и что тут такого, девушка красивая, трудно удержаться и не взглянуть на нее раз-другой. Но мне было очень больно, особенно когда ты стал вызываться мыть посуду, чего не делал раньше. Увидев, как она идет к мойкам, ты бежал туда же и возвращался сразу после нее. Думал, я слепая, ничего не почувствую, ничего не замечу? Не волнуйся, все нормально, успокаивала я себя. Просто не допускала мысли, что тебе могла понравиться другая: ведь если я однажды понравилась, значит, буду нравиться всегда – какие тут сомнения? Я думала, искренние чувства не гаснут с годами, особенно в браке. «Может, и да, – говорила

я себе, – но только у несерьезных людей, а он не такой». Потом стала думать: наверно, пришло время что-то изменить (не зря же ты недавно рассуждал, что все в жизни надо перетряхивать), наверно, я оторвалась от реальности: меня слишком занимали домашнее хозяйство, семейный бюджет, потребности детей. Я стала украдкой разглядывать себя в зеркале. Какая я, что я такое? Две беременности почти – или совсем – не изменили мою внешность, я хорошая жена и мать. Но, по-видимому, было недостаточно оставаться абсолютно – или почти – такой же, какой я была, когда мы познакомились и полюбили друг друга; возможно, как раз в этом и была моя ошибка. Надо было обновиться, стать чем-то большим, чем просто хорошая жена и мать. И я попыталась стать похожей на ту женщину в кемпинге, на девушек, которые наверняка крутились возле тебя в Риме, и попыталась активнее участвовать в той части твоей жизни, которая проходила вне дома. Так постепенно началась новая фаза наших отношений. Надеюсь, ты это заметил. Или нет? Заметил, но не воспользовался? А почему? Может, я не довела дело до конца, застряла на полдороге, не сумела стать похожей на других и осталась самой собой? Или, наоборот, перестаралась, стала какой-то слишком уж современной, и эта перемена тебя неприятно удивила, ты начал стесняться меня, потому что перестал узнавать?

Давай поговорим начистоту. Я больше не выдержу неизвестности. Я должна все узнать об этой Лидии. У нее собственная квартира, ты там ночуешь? Нашел ли ты в ней то, что искал, то, чего уже нет или никогда не было во мне? Ты исчез, так ничего и не сказав, уклонившись от объяснений. Где ты? Судя по адресу и телефону, которые ты мне оставил, ты должен быть в Риме, но мои письма остаются без ответа, а когда я звоню, никто не берет трубку. Скажи, как с тобой связаться – позвонить кому-то из твоих друзей или прийти в университет? Может, крикнуть во весь голос, так, чтобы услышали твои коллеги и студенты, что ты – безответственный человек?

Мне надо платить за электричество, газ и за квартиру. У меня на попечении двое детей. Возвращайся немедленно. Дети имеют право на родителей, которые занимаются ими круглые сутки, на маму и папу, с которыми они завтракают по утрам, которые отвозят их в школу и забирают после школы. У них есть право иметь семью, семью и дом, где все собираются за обеденным столом, вместе играют, вместе делают уроки, смотрят телевизор. А потом ужинают, опять смотрят телевизор и говорят друг другу «спокойной ночи». Скажи папе «спокойной ночи», Сандро, и ты тоже, Анна, скажите вашему папе «спокойной ночи», и, пожалуйста, не надо хныкать. Сегодня сказки на ночь не будет, время слишком позднее, хотите послушать сказку, быстрее идите чистить зубы, ладно, сегодня папа расскажет вам сказку, но короткую, на пятнадцать минут, а потом – спать, чтобы завтра не опоздать в школу, папе тоже пора спать, рано утром ему на поезд, если он опоздает на работу, его будут ругать. И тут дети – ты еще не забыл? – бегут чистить зубы, а потом приходят к тебе слушать сказку, каждый вечер, так продолжается с тех пор, как они у нас появились, и так должно продолжаться, пока они не вырастут и не уйдут от нас, пока мы не состаримся. Но, возможно, тебя больше не привлекает перспектива состариться вместе со мной, возможно, тебе даже не хочется смотреть, как растут твои дети. Это так? Так ведь?

Мне страшно. Наш дом стоит на отшибе, а Неаполь, как ты знаешь, город опасный. По ночам тут шумно, слышится смех, я не могу заснуть, это так изматывает. А вдруг в окно залезет вор? А вдруг у нас украдут телевизор или проигрыватель? А вдруг кто-то из тех, у кого на тебя зуб, захочет отомстить и убьет нас во сне? Неужели ты не сознаешь, какое бремя взвалил на меня? Забыл, что у меня нет работы, и я не представляю себе, на что жить дальше? Смотри, Альдо, не выводите меня из терпения. Если я сорвусь, ты за это заплатишься.

3

Я видела Лидию. Она очень молодая, красивая, хорошо воспитанная. И она слушала меня гораздо внимательнее, чем ты. И сказала одну очень правильную вещь: «Тебе надо поговорить с ним, я не имею отношения к вашим проблемам». В самом деле, она тут ни при чем, зря я стремилась встретиться с ней. Что она могла сказать мне – что ты захотел ее, что ты ее добился, что она тебе понравилась и продолжает нравиться? Нет-нет: единственный, кто может дать исчерпывающее разъяснение этой ситуации, – ты. Ей всего девятнадцать, что она может знать, что она понимает? А тебе тридцать четыре, ты женат, у тебя прекрасное образование, престижная работа, тебя ценят. Это от тебя следует ждать объяснений, а не от Лидии. Тем не менее за два месяца ты сумел сказать мне только одно: что не можешь больше жить с нами. Верно же? А в чем причина? Во мне? Но ты же клятвенно заверял меня, что дело не во мне. О детях и говорить нечего, это твои дети, им хорошо с тобой, а тебе с ними – ты сам это подтвердил. Тогда в чем проблема? «Не знаю, так получилось», – бормочешь ты: вот и весь ответ. Когда я спрашиваю: «У тебя теперь новый дом, новые книги, тебя окружают новые вещи, которые ты сам приобрел?» – ты отвечаешь: «Нет, я пока не определился». Если спрашиваю: «Ты живешь с Лидией, вы вместе спите, вместе едите?» – ты начинаешь юлить, изворачиваться: «Да брось, ничего подобного, мы просто встречаемся, вот и все». Хочу предупредить тебя, Альдо. Не продолжай в том же духе, я не выдержу. Каждый наш с тобой разговор кажется мне фальшью. Или, вернее, я пытаюсь пробиться к правде, а ты мне лжешь, тем самым показывая, что потерял ко мне всякое уважение и отвергаешь меня.

Мне с каждым днем все тревожнее. Я боюсь, что презрение, которое ты испытываешь ко мне, каким-то образом передастся детям, нашим друзьям, всем вокруг. Ты хочешь изолировать меня, выключить из жизни. И самое главное, хочешь предотвратить любые попытки взглянуть на нашу с тобой историю не по-твоему, а иначе. Вот от этого я просто схожу с ума. Мне, в отличие от тебя, нужно знать, что случилось, поэтому ты должен как можно скорее и как можно подробнее объяснить, почему ты меня бросил. Если ты все еще воспринимаешь меня как человека, а не как животное, которое можно отогнать палкой, ты обязан предоставить мне объяснение, и оно должно быть убедительным.

4

Теперь мне все ясно. Ты решил самоустраниться и бросить нас на произвол судьбы. Решил зажить своей жизнью, в которой для нас нет места, в которой можно будет поехать, куда вздумается, встречаться, с кем захочешь, реализовать себя, как захочешь. Решил оставить наш маленький мирок позади и вместе со своей новой женщиной выйти в другой, большой мир. В твоих глазах мы – свидетельство того, как бездарно ты растратил молодость. Ты считаешь нас чем-то вроде болезни, которая помешала твоему росту, и надеешься, избавившись от нас, наверстать упущенное.

Если я правильно поняла, ты возражаешь против того, чтобы я так часто говорила *мы*. Но как же иначе: ведь я и дети – это *мы*, а ты теперь – только *ты*. Своим уходом ты разрушил нашу общую жизнь. Разрушил наше представление о тебе, о том, что ты есть. И сделал это абсолютно сознательно, преднамеренно, просто поставил нас перед фактом, что ты был всего лишь плодом нашего воображения. В итоге я, Сандро и Анна оказались на грани нищеты, без всякой защиты, нам страшно думать о будущем, а ты где-то там наслаждаешься жизнью с любовницей. И вот что я тебе скажу: отныне мои дети – только мои, тебе они больше не принадлежат. Ты сам создал положение, при котором их отец стал всего лишь иллюзией, для них и для меня.

Но ты говоришь, что хочешь сохранить отношения с нами. Ладно, я не против, только объясни, что это будут за отношения. Ты рассчитываешь сохранить за собой все отцовские права после того, как вычеркнул меня из своей жизни? Собираешься посвятить себя Сандро и Анне, воспитывать их без моего участия? Или намерен стать отцом-призраком, который время от времени материализуется, а потом опять исчезает, оставляя детей на моем попечении? Спроси Сандро и Анну, устраивает ли их такой вариант. Я знаю одно: они думали, ты принадлежишь им, а ты дал им понять, что они ошибались, и они переживают это очень тяжело. Для Сандро ты был примером во всем, а теперь он потерял ориентиры; Анна не может понять, что она натворила, но думает, это было что-то ужасное: иначе бы ты не наказал ее своим уходом. Вот такая ситуация, ты к ней приспосабливайся, а я погляжу со стороны. Но могу сказать сразу: во-первых, я не позволю тебе стать между мной и детьми, а во-вторых, не дам причинить моим детям еще большие страдания, чем ты уже причинил, показав себя лжецом и обманщиком.

5

Надеюсь, теперь тебе понятно, почему прекращение наших с тобой отношений повлечет за собой прекращение твоих отношений с Сандро и Анной. «Я – отец, – скажешь ты, – и хочу им остаться». Но это на словах, а делом ты доказал, что в твоей новой жизни детям нет места, что ты хочешь освободиться от них, как уже освободился от меня. Неудивительно: ведь ты никогда не занимался ими серьезно.

Сообщаю последние новости, если, конечно, они тебя интересуют. Мы переехали: у меня не хватало денег, чтобы платить за эту квартиру. Теперь живем у Джанны, устроились кое-как. Детям пришлось сменить школу, расстаться с друзьями. Анна страдает, потому что больше не видится с Маризой: как ты знаешь, это ее лучшая подруга. Тебе с первой минуты было ясно, что все кончится именно так, что, бросив меня, ты причинишь им массу неприятностей и унижений. Но разве ты хотя бы пальцем пошевелил, чтобы избежать этого? Нет, ты думал только о себе.

Ты обещал Сандро и Анне провести лето с ними, все лето, и как-то в воскресенье, хоть и без энтузиазма, приехал за ними. Они были рады. Но чем все кончилось? Через четыре дня ты привез их обратно, сказал, что тебе трудно ими заниматься, ты чувствуешь, что не справляешься, а затем уехал с Лидией и не объявлялся до самой осени: тебя не волновало, как они провели каникулы, где, с кем, на какие деньги. Для тебя были важны только твои удобства, а не удобства детей.

Но поговорим о твоих воскресных визитах. Ты нарочно приходил поздно и оставался у нас всего два-три часа. Никогда никуда их не водил, никогда не играл с ними. Все время сидел перед телевизором, а они сидели рядом, глядя на тебя в ожидании.

А праздники? Ты не появился у нас ни на Рождество, ни на Новый год, ни на Крещение, ни на Пасху. А когда дети прямо попросили, чтобы ты взял их с собой, ты сказал, что не можешь, у тебя слишком тесно – как будто речь шла о незнакомых людях. Однажды Анна рассказала тебе, что ей приснилась смерть, и ты стал подробно, обстоятельно растолковывать этот сон. Ты и бровью не повел, выслушал ее без тени волнения, сказал только: надо же, какой красочный сон тебе приснился. Ты терял хладнокровие только тогда, когда в спорах со мной чувствовал необходимость подчеркнуть, что у тебя своя жизнь, независимая от нашей, что разрыв между тобой и нами – окончательный.

Теперь я поняла: тебе страшно. Ты боишься, что общение с детьми может поколебать твою решимость расстаться с нами, что они вмешаются в твою новую связь, повредят ей. Вот почему, дорогой мой, твои уверения, что ты хочешь по-прежнему быть им отцом, – пустая болтовня. На самом деле все наоборот: избавившись от меня, ты хочешь избавиться и от детей.

А когда ты критикуешь институт семьи, который якобы навязывает людям определенные роли и подавляет их индивидуальность, – это просто попытка оправдаться. Никакой ты не борец против института семьи. Если бы это было так, ты бы заметил, что я согласна с тобой, что мне тоже хочется освободиться от навязанной мне роли и все изменить. Если бы это было так, то после распада нашей семьи ты осознал бы, в какую эмоциональную, экономическую и социальную пропасть ты нас сталкиваешь, и поспешил бы признать наши права на чувства, на желания. Но нет. Мы, Сандро, Анна и я, не нужны тебе именно как люди. Ты хочешь избавиться от нас, потому что мы мешаем твоему счастью, мы – ловушка, в которой угаснет твое желание наслаждаться жизнью, мы – бесполезное и опасное бремя, оставшееся от прошлого. Ты с самого начала решил: я должен снова стать самим собой, если даже это их убьет.

6

Ты сказал: представь себе лестницу. Вот мы идем по ступенькам. Сначала одна нога, потом другая, как мы научились в детстве. Но радость первых шагов утрачена. Потому что с годами мы стали подражать походке наших родителей, старших братьев, людей, к которым мы привязаны. И теперь ноги повинуются привычке. Напряжение, волнение, счастье, которые мы ощущали при каждом шаге, исчезли, как и неповторимая индивидуальность нашей походки. Мы шагаем по ступенькам, думая, что ноги движутся по нашей собственной воле, но это не так, с нами поднимается или спускается маленькая толпа, по образцу которой мы сделали себя, и твердость в ногах – лишь результат нашего конформизма. И либо мы меняем походку, чтобы вернуть былую радость, либо обрекаем себя на серую, унылую жизнь в рамках нормы. Этими словами ты завершил свою речь.

Я правильно пересказала? А можно выразить мое мнение? Это идиотская метафора, ты можешь лучше, ну да ладно. Ты даешь мне понять (как обычно, в образной форме), что когда-то мы были счастливы, но со временем это счастье привыкло повиноваться ритуалам, которые, с одной стороны, позволили нам прожить дни, месяцы и годы без особых проблем, но, с другой стороны, подавили нашу индивидуальность – твою, мою и детей. Прекрасно. А какой вывод ты делаешь из этого? Хочешь сказать, что, если бы это было возможно, ты охотно вернулся бы на пятнадцать лет назад, но, поскольку ход времени необратим, тебе не остается ничего другого, кроме как начать все сначала с Лидией? Ты это хотел сказать? Если да, то позволь просветить тебя. С некоторых пор и я чувствую, что прежняя радость потускнела. И я с некоторых пор думаю, что мы изменились, что эта перемена не на пользу нам с тобой, Сандро и Анне, что в будущем наша совместная жизнь может стать сплошным мучением для нас и для детей. И я с некоторых пор опасаясь, что, если мы скатимся к такому вот совместному прозябанию и будем при этом воспитывать детей, то навредим и себе, и им, а потому мне лучше от тебя уйти. Но я, в отличие от тебя, не думаю, что потеряла ключи от земного рая по твоей вине и поэтому должна выбрать себе другого спутника жизни, не такого рассеянного, как ты. И я не устранию вас, не вычеркиваю ваше существование ради того, чтобы освободиться самой. И каким образом освободиться? Создав новую семью с новым партнером, как ты с Лидией?

Альдо, пожалуйста, не надо играть словами, я уже на пределе, я в последний раз пытаюсь достучаться до тебя. Глупо сожалеть о прошлом, но тратить силы на поиски какого-то нового начала – тоже глупо. Если ты ждешь перемен, у тебя только один выход: искать решение вчетвером, со мной, Сандро и Анной. Мы должны вместе сделать шаг вперед. Посмотри на меня, посмотри, пожалуйста, и взглядишь хорошенько. Я не жалею ни о чем. Я пробую подняться по этим твоим чертовым ступенькам своей собственной походкой, и я хочу двигаться вперед. Но если ты не дашь мне и моим детям ни единого шанса, я пойду в суд и буду просить, чтобы опеку над детьми доверили исключительно мне.

7

Ну вот, наконец-то ты совершил хоть какой-то поступок. Ты бровью не повел, когда получил копию решения суда, пальцем не пошевелил, чтобы вернуть себе отцовские права, о которых так много разглагольствовал. Ты согласился на то, чтобы я одна взяла на себя заботу о детях, ты словно бы забыл о том, что они могут нуждаться в тебе. Все их проблемы ты переложил на меня, официально отделив их жизнь от своей собственной. А поскольку молчание – знак согласия, то воспитание несовершеннолетних теперь доверено мне. Решение суда подлежит немедленному исполнению. Bravo! Я безмерно горжусь тем, что когда-то тебя любила.

8

Я убила себя. Знаю, мне следовало написать «пыталась убить себя», но это не соответствует правде. Внутри я мертвая. Думаешь, я сделала это, чтобы заставить тебя вернуться? Ты так думаешь, и потому даже в этих обстоятельствах поостерегся зайти в больницу хотя бы на пять минут? Боялся попасть в ситуацию, из которой не смог бы потом найти выход? Или не хотел видеть с близкого расстояния то, что натворил?

Боже мой, значит, ты и вправду слабый, запутавшийся человек, черствый и легкомысленный, полная противоположность той личности, за которую я принимала тебя целых двенадцать лет. Тебе нет дела до людей, до того, как они меняются, как развиваются. Ты их просто используешь. Ты терпишь их присутствие только тогда, когда они возносят тебя на пьедестал. Ты привязываешься к людям только при условии, что они признают твоё превосходство и соглашаются предоставить тебе достойную тебя роль, только при условии, что, расхваливая тебя, они будут закрывать глаза на то, что на самом деле ты пуст, и знаешь это, и тебе страшно. Но каждый раз, когда эта система не срабатывает, каждый раз, когда люди пытаются стать независимыми и реализоваться, ты уничтожаешь их и идешь дальше. Ты никогда не останавливаешься, тебе постоянно надо быть в центре событий. Потому что тебе хочется быть современным человеком – так ты это объясняешь. И называешь этот свой психоз «увлеченностью». Да, конечно, ты увлечен, увлечен и вовлечен – даже чересчур. Но при этом ты ничего не можешь придумать сам, идеи и слова заимствуешь из знаменитых книг, а потом просто озвучиваешь, во всем следуешь условностям и тенденциям, установленным авторитетными людьми, в компанию которых рассчитываешь втиснуться в ближайшее время. Ты никогда не был самим собой, а если и был, то вряд ли даже понимал, что это значит. Ты умел только одно: хвататься за случай. В Риме тебе подвернулась возможность занять место преподавателя-стажера в университете, и ты ее занял. Став преподавателем, ты использовал в своих целях студенческое протестное движение и занялся политикой. Я считалась твоей невестой, и, когда умерла твоя мать, державшая тебя на коротком поводке, ты женился на мне. Ты произвел на свет двоих детей, но лишь потому, что, будучи мужем, полагал необходимым стать заодно и отцом. Тебе попалась юная, чистая девушка, и, во имя сексуальной свободы и борьбы с институтом семьи, ты сделал ее своей любовницей. Можешь сколько угодно продолжать в том же духе: все равно ты никогда не станешь тем, кем хочешь быть, а навсегда останешься тем, кто из тебя получился.

В течение всего этого ужасного периода нашей жизни, этих трех мучительных лет, я пыталась помочь тебе. День и ночь ломала голову, ища выход, заставляя тебя делать то же самое. Но ты этого не заметил. Ты слушал меня вполуха. Думаю, ты даже не читал мои письма. В то время как я соглашалась с тобой, что семья действует угнетающе, что роли, которые она нам навязывает, подавляют нашу индивидуальность, в то время как я предпринимала сверхчеловеческие усилия, чтобы вникнуть в суть дела, и становилась другой, менялась во всем, вырастала над собой, ты даже не замечал этого, а когда замечал, тебе становилось противно, и ты

устранялся, ты уничтожал меня случайным словом, рассеянным взглядом, небрежным жестом. Самоубийство, милый мой, было лишь подтверждением свершившегося факта. Ты уже давно убил меня, и не как «жену», то есть исполнительницу соответствующей роли, а как человека, находившегося на высшей точке самореализации, на максимуме открытости всему новому. То, что я выжила, то есть официально считаюсь живой, можно назвать счастливым исходом не для меня – куда там! – а для моих детей. Твое отсутствие, твое равнодушие даже в такой тяжелый момент доказали мне, что, если бы я умерла, ты спокойно пошел бы своей дорогой.

9

Отвечаю на твои вопросы.

В последние два года я все время работала, на разных должностях и, как правило, за гроши, когда в государственных учреждениях, а когда в частных фирмах. На постоянную работу я устроилась только недавно.

Расторжение нашего брака фактически подтверждено справкой о составе домохозяйства и документом, удостоверяющим мою опеку над детьми, на котором стоит моя подпись. Не вижу необходимости предпринимать какие-то другие шаги, по крайней мере сейчас.

Я регулярно и в срок получаю от тебя алименты, хотя никогда ничего не просила ни для себя, ни для детей. Насколько мне позволяет финансовое положение, я стараюсь не тратить их, а откладывать для Сандро и Анны.

Телевизор давно сломался, и я перестала вносить абонементную плату.

Ты пишешь, что тебе нужно как-то восстановить отношения с детьми. Прошло уже четыре года, говоришь ты, и пора рассмотреть этот вопрос спокойно и беспристрастно. А разве осталось еще что-то, что можно рассмотреть? Разве ты не дал недвусмысленно понять, насколько тебе нужны дети, когда ушел от нас, украв нашу жизнь, когда бросил нас, потому что не вынес груза ответственности за семью? Но как бы то ни было, я прочла им твое письмо, и они решили встретиться с тобой. Хочу напомнить, на случай, если ты забыл: Сандро сейчас тринадцать лет, Анне – девять. Их терзают растерянность, тревога, страх. Не надо ухудшать их состояние.

Книга вторая

Глава первая

1

Рассказываю по порядку. Не так давно Ванда повредила запястье, травма заживала медленно, и незадолго до отъезда на отдых она по совету своего ортопеда взяла напрокат на две недели электростимулятор. По договоренности с фирмой мы должны были заплатить за это двести пять евро, аппарат обещали доставить завтра. На следующий день, около двенадцати, раздался звонок в дверь. Жена возилась на кухне, и я пошел открывать сам, а впереди, как обычно, бежал кот. Хрупкая молодая женщина с коротко стриженными, пожалуй не слишком густыми, черными волосами, нежным, очень бледным лицом, на котором выделялись живые глаза без макияжа, протянула мне серую коробку. Я взял ее и, поскольку бумажник лежал на письменном столе в кабинете, сказал: «Извините, я сейчас». Женщина последовала за мной и подошла к двери в кабинет, хотя я и не приглашал ее войти.

– Эй, красавчик, – обратилась она к коту, – как тебя зовут?

– Лабес, – ответил я.

– Что это за имя?

– Это значит «наказание».

Девушка рассмеялась, наклонилась и погладила Лабеса.

– С вас двести десять евро, – сказала она.

– А разве не двести пять?

Она покачала головой, продолжая ласкать кота, щекотала его под подбородком, шептала ему какие-то дурацкие словечки. Затем, не меняя позы, заговорила со мной с профессиональным спокойствием человека, привыкшего ходить по домам и умеющего успокаивать пожилых людей, которые пугаются, когда к ним стучится в дверь кто-то чужой. Откройте коробку, сказала она, возьмите чек, и вы увидите, что там стоит цифра двести десять. И, все еще лаская кота, с любопытством заглянула через дверь в кабинет:

– Сколько книг!

– Они нужны мне для работы.

– Хорошая у вас работа. А сколько фигурок и статуэток! Вон тот кубик наверху, такого чудесного голубого цвета, он из дерева?

– Нет, из металла. Я купил его много лет назад, в Праге.

– Какая красивая вещь! – воскликнула она более уверенным тоном. Затем снова показала на коробку: – Откройте и проверьте.

Мне понравились ее блестящие глаза.

– Не надо, все в порядке, – сказал я и дал ей двести десять евро.

Она взяла деньги, дала мне полезный совет и попрощалась с котом:

– Не утомляйте себя долгим чтением. До свидания, Лабес.

– До свидания, спасибо, – ответил я.

Вот и все, что было, не больше и не меньше. Через несколько минут из кухни пришла Ванда в своем длинном, почти до полу, зеленом фартуке. Открыла коробку, вставила вилку в розетку, убедилась, что мотор работает. А я тем временем взглянул на чек и понял, что девушка обманула меня.

– Что-то не так? – спросила Ванда: она всегда замечает у меня перемену настроения, даже когда занята чем-то другим.

– Мне сказали, что я должен заплатить двести десять евро.

– И ты заплатил?

– Да.

– Я же тебе говорила, что это стоит двести пять!

– Не подумал бы, что такая, как она, может надуть.

– Это была женщина?

– Девушка.

– Симпатичная?

– Ну, как тебе сказать...

– Просто чудо, что она сумела вытянуть у тебя только пять евро.

– Пять евро – не такая уж крупная сумма.

– Между прочим, на старые деньги пять евро – это десять тысяч лир, – сказала жена.

И, плотно сжав губы, как бывает, когда она сердится, начала изучать руководство по эксплуатации аппарата. Ванде очень трудно расставаться с деньгами. Всю жизнь она была одержима страстью к экономии, и даже сейчас, когда у нее подагра, готова наклониться, чтобы подобрать в уличной грязи мелкую монетку. Она из тех людей, которые не упускают случая напомнить (прежде всего самим себе), что один евро – это две тысячи лир и что если пятнадцать лет назад можно было пойти в кино вдвоем, заплатив двенадцать тысяч лир, то теперь, когда один билет стоит восемь евро, это обходится в тридцать две тысячи. Нашим теперешним достатком и в известной мере достатком наших детей, которые часто просят у нас денег, мы обязаны не столько моей высокооплачиваемой работе, сколько ее жесткой манере вести хозяйство. А следовательно, мысль о том, что какая-то чужая женщина присвоила наши кровные пять евро, должна была разозлить ее так же сильно, как счет за парковку на такую же сумму.

Как обычно, ее раздражение передалось мне. Сейчас пошлю жалобу в фирму, сказал я и ушел в кабинет, чтобы написать письмо и разоблачить это маленькое жульничество. Хотелось успокоить жену: меня всегда нервировало ее неодобрение, не говоря уже о ее саркастических замечаниях типа: «Надо же, в таком возрасте – и такая восприимчивость к женским ужимкам!» Я включил компьютер, вызвал в памяти жесты курьерши, ее лицо, ее слова, вкрадчивый голос, которым она произнесла: красивый котик, сколько у вас книг; вспомнил, как заботливо, почти ласково она предлагала мне открыть коробку и проверить цену на чеке. Конечно же, ей достаточно было взглянуть на меня, чтобы понять: этого типа легко одурачить.

Когда я осознал это, мне стало противно. Я смоделировал свое поведение в подобной ситуации, случись она еще несколько лет назад («Не отнимайте у меня время, вот сумма, о которой мы договаривались, всего хорошего»), и сравнил его с сегодняшним. («Кота зовут Лабес, книги нужны мне для работы, этот куб я купил в Праге, не надо, все в порядке, спасибо».) И уже собрался отстукать на клавиатуре несколько резких фраз. Но почти сразу же почувствовал неуверенность и апатию. Я подумал: кто знает, как ей живется, этой девушке, наверно, у нее нет постоянной работы, заработок маленький, родители на иждивении, с трудом удастся платить за квартиру, а еще надо тратиться на колготки и косметику, вдобавок муж или жених безработный, и у него проблемы с наркотиками. Если я напишу на нее жалобу, она наверняка лишится и этой незавидной работы. В конце концов, что такое пять евро? Чаевые, которые я охотно дал бы ей сам, не будь рядом жены. Как бы то ни было, если в наше нелегкое время эта девушка будет и дальше обманывать заказчиков, очень скоро ей попадется кто-то менее уступчивый, чем я, и тут уж она заплатит за все.

Я так и не написал письмо. Ванде я сказал, что послал его, и скоро забыл об этом случае.

2

Через несколько дней мы собрались на отдых к морю. Жена собрала вещи, а я снес их вниз, к машине. День выдался очень жаркий. Улица, обычно оживленная, была пуста, из домов не доносилось ни звука, на большинстве окон и балконов были закрыты ставни и опущены жалюзи.

Я весь покрылся потом, пока нес вещи. Ванда непременно хотела помочь мне, и, поскольку я ей это запретил, зная, какие у нее хрупкие кости, она сверху стала командовать, как размещать чемоданы в машине. Ванда нервничала: она всегда волновалась, когда надо было оставить квартиру. Даже если предстояло провести всего неделю на море, в гостинице недалеко от Галлиполи – полный пансион, приемлемая цена, делать совершенно нечего, кроме как спать, гулять по берегу и плескаться в воде, она без конца повторяла, что охотно осталась бы дома и целыми днями читала бы, сидя на балконе между лимонным деревцем и мушмулой.

Мы живем в этом доме уже тридцать лет, и всякий раз, когда надо куда-то уехать, она ведет себя так, словно мы не вернемся. С годами мне становилось все труднее уговорить ее съездить на отдых. Во-первых, ей всегда кажется, что, тратя столько денег, она поступает несправедливо по отношению к детям и внукам. И, что еще важнее, ей не хочется оставлять Лабеса, она его очень любит, а он – ее. Я, разумеется, тоже люблю нашего домашнего питомца, но не настолько, чтобы из-за него портить себе отдых. Поэтому мне приходится мягко объяснять ей, что кот будет точить когти о гостиничную мебель, в комнате будет вонять, а соседи не смогут спать по ночам из-за мяуканья. Когда Ванда наконец решается с ним расстаться, я должен договориться с детьми, чтобы они регулярно заезжали к нам домой, наполняли едой и водой миски Лабеса и вычищали его туалет. Ванда каждый раз очень волнуется по этому поводу. Наши дети не очень-то ладят между собой, поэтому лучше избегать ситуаций, в которых им пришлось бы встречаться. У них всегда были напряженные отношения, это началось, когда они еще были подростками, но все усложнилось двенадцать лет спустя, после смерти тети Джанны. Старшая сестра Ванды, у которой за всю ее долгую и безотрадную жизнь детей так и не появилось, была особенно привязана к Сандро и завещала ему значительную сумму денег, а Анне – совсем немного. В результате брат и сестра рассорились. Анна заявила, что вопреки завещанию наследство надо разделить поровну между ней и братом. Сандро с этим не согласился. С тех пор они не видятся, и это обстоятельство, в сочетании с другими бесчисленными проблемами их неустроенных жизней, причиняет матери большие страдания. Чтобы им не приходилось встречаться даже по такому единственно возможному поводу, как присмотр за Лабесом, я разрабатываю сложный график посещений, а Ванда, которая не верит в мои организаторские способности, обязательно должна проверить его и позаботиться о том, чтобы у обоих наших детей были ключи от квартиры. Так что поездка на отдых для нас – дело совсем не простое. Но сейчас мы готовы к отъезду, я и она, и вдвоем укладываем в машину чемоданы. Мы вместе уже пятьдесят два года – длинная нить времени, смотанная в клубок. Ванда – семидесятишестилетняя дама, притворяющаяся энергичной, я – семидесятичетырехлетний господин, притворяющийся рассеянным. Она с самого начала организует мою жизнь и не скрывает этого, а я с самого начала безропотно выполняю ее распоряжения. Она необычайно активна, несмотря на подагру, а я ленив и неповоротлив, несмотря на приличное здоровье. Я уже положил в багажник красный чемодан, но жена недовольна: вниз – черный, а сверху – красный, командует она. Я засунул палец под рубашку, чтобы отлепить ее от спины, вытащил из багажника красный чемодан и поставил на асфальт, нарочито громко застонав, и повернулся, чтобы взять черный. В этот момент к нам подъехал какой-то автомобиль.

Его невозможно было не заметить, потому что не только наша улица была безлюдна, весь город словно вымер, светофоры понапрасну меняли цвет, можно было даже услышать пение

птиц в кронах деревьев. Машина сначала пронеслась мимо нас, но через несколько метров затормозила. Секунда, еще секунда, и я явственно услышал, как заскрежетала коробка передач, затем взвизгнул механизм заднего хода, и машина остановилась рядом с нами.

– Не может быть! – воскликнул человек за рулем: его глаза нельзя было разглядеть в полутьме, но, судя по зубам, он был не первой молодости. – Ну надо же: едешь себе по улице, и вдруг – вы, собственной персоной! Расскажу отцу – он не поверит.

Незнакомец был в радостном возбуждении, смеялся от счастья. Вместо того чтобы поставить черный чемодан в багажник, я стал рыться в памяти, пытаюсь найти там какую-нибудь особенность его лица, которая помогла бы понять, кто он. Однако мне это не удалось: лицо у него было подвижное и становилось еще более подвижным от всплеска эмоций, с которым он никак не мог справиться. Незнакомец обрушил на меня поток слов: его отец отзывался обо мне с уважением и благодарностью, вспоминал, как в его молодые годы я помог ему справиться с трудностями и как потом у него все наладилось и теперь дела идут все лучше и лучше. Он все время повторял: какое счастье снова вас видеть, и, хотя было непонятно, кому именно я когда-то помог – ему самому, его отцу или им обоим, я почти сразу же убедил себя, что, скорее всего, он был моим учеником, либо в лицее в Неаполе, где я преподавал в молодости, либо в более длительный период, когда я работал в Римском университете. Нередко мне приходилось встречать незнакомых людей, которые меня бурно приветствовали, и, взглядевшись в их уже немолодые, а порой даже изможденные лица, я иногда узнавал – но чаще делал вид, что узнаю, – своих бывших студентов. Наверняка он у меня учился, мысленно заключил я. Но если я откровенно признаюсь, что не помню его, он обидится, а мне бы этого не хотелось. Я заставил себя дружески улыбнуться и спросил:

– Как поживает папа?

– Неплохо. У него кое-какие проблемы с сердцем, но ничего серьезного.

– Передай ему привет.

– Да, конечно.

– А как ты сам? Все нормально?

– Замечательно. Может, вы помните, что я собирался уехать в Германию? Я так и сделал, и там мне наконец-то повезло. Какие возможности у человека здесь, в Италии? Никаких. А в Германии я открыл небольшое предприятие, фабрику по пошиву изделий из кожи, мы делаем сумки, куртки, все это качественный товар, он хорошо продается.

– Рад за тебя. Ты женат?

– Нет еще, осенью собираюсь жениться.

– Поздравляю, и еще раз большой привет папе.

– Спасибо, вы даже не представляете, как он будет рад.

«Сейчас уедет», – с надеждой подумал я – и ошибся. Несколько секунд мы стояли с застывшей улыбкой и молчали. Затем он решительно тряхнул головой:

– Нет-нет, кто знает, когда мы еще встретимся. Я хочу преподнести вам кое-что в знак уважения, вам и вашей супруге.

– Как-нибудь в другой раз, мы торопимся.

– Я вас не задержу, одну минутку.

С решительным видом он вышел из машины и открыл багажник. «Это вам!» – воскликнул он, повернувшись к Ванде, и протянул ей блестящую сумочку, которую она взяла с брезгливым видом, словно боялась запачкаться. Затем достал черную кожаную куртку и надел на меня, заметив: «Как на вас сшита». Я стал отказываться: нет, ну что вы, я не могу это взять. Но он, словно не слыша, вытащил из багажника еще одну куртку, женскую, с люрексом, и радостно протянул ее Ванде: «Как раз ваш размер!» Тут я попытался остановить его: спасибо, очень мило с вашей стороны, но больше не надо, нам пора ехать, иначе мы попадем в пробку. Приветливое лицо незнакомца вдруг стало жестким: пожалуйста, не отказывайтесь, я могу себе это

позволить, попрошу вас только о маленькой любезности – дайте мне несколько евро на бензин, я должен добраться до Германии, но это не обязательно, если я прошу слишком много, так и скажите, я ведь хотел сделать подарок в знак уважения, пусть он подарком и остается.

Я был в недоумении: все эти разговоры о папе, о благодарности, о маленьком процветающем предприятии в Германии, – и вдруг он просит несколько евро на бензин? Я машинально вынул бумажник, стал искать купюру в пять или десять евро, но там оказались только сто евро одной купюрой. Как жаль, пробормотал я, но у меня уже пульсировало в висках, я хотел сказать ему: нет, мне нисколько не жаль, забирай свое барахло и катись отсюда. Только я успел это подумать, как вдруг незнакомец легким и в то же время быстрым и точным движением зажал купюру в сто евро между большим и указательным пальцами, вытащил ее из бумажника, посмотрел на меня с непритворной благодарностью, мгновенно залез в машину и нажал на газ, крикнув на прощание: спасибо, папа будет страшно рад!

Если проделка курьерши только огорчила меня, то эта сцена причинила мне боль. Машина еще не успела скрыться из виду, как моя жена изумленно воскликнула:

– Ты что, дал ему сто евро?

– Я ему их не давал, он их стащил.

– Эти вещи гроша ломаного не стоят. Это не кожа, понюхай, они воняют рыбой.

– Выбрось в помойку.

– Ну вот еще! В крайнем случае отдам в Красный Крест.

– Ладно.

– Нет, не ладно! Господи, Альдо, мы же с тобой выросли в Неаполе, ну как ты позволяешь делать из себя дурака!

3

Я вел машину без остановки несколько часов, до самого побережья, меня мучило от вони, которую издавали куртки и сумочка. А Ванда все никак не могла успокоиться. Сто евро, повторяла она, это же двести тысяч лир, с ума сойти. Впрочем, ее гнев постепенно стал утихать, она обреченно вздохнула и сказала: что случилось, то случилось, не будем больше об этом думать. Я тут же согласился и решил сказать какие-нибудь веские слова, чтобы закрыть тему. Но мне не приходило в голову ничего убедительного, и более того: появилось ощущение, что я стал необычайно уязвимым, и малейшая неприятность может меня сломить. Думаю, причина в том, что я почти сразу нашел нечто общее между черноволосой девушкой и торгашом с гнилыми зубами. Им обоим достаточно было одного взгляда, чтобы понять: с таким, как я, проблем не будет. И они не ошиблись: я легко дал себя провести. Очевидно, с возрастом у меня ослаб или даже совсем отключился инстинкт самосохранения, иначе он непременно подал бы сигнал тревоги. Или стерлась примета, по которой сразу узнают человека, умеющего дать отпор (например, особое выражение глаз либо характерная гримаса). Или, проще говоря, у меня пропал тонус, я утратил гибкость и бдительность, выручавшие меня в течение всей жизни, сначала позволившие мне выбиться из нищеты, вырастить детей, утвердиться в недружелюбном окружении, приобрести некоторый достаток, приспособиться к разным обстоятельствам, как благоприятным, так и неблагоприятным. Я не смог бы определить, как и насколько изменился, но был уверен, что это произошло.

Мы уже почти доехали до гостиницы, когда я получил еще одно подтверждение того, что хрупкое равновесие, которое я поддерживал в своей жизни пять десятилетий, может быть нарушено. Осторожно пробираясь по автостраде среди лихачей, торопившихся в отпуск, я попытался вспомнить, случалось ли мне в прошлом стать жертвой обманщиков. Но не вспомнил ничего такого. Зато в памяти всплыл один очень давний случай, когда я, наоборот, не дал себя надуть. Как бы в продолжение моих мыслей, прервав долгое молчание, я напомнил Ванде

(которая дремала, прижавшись лбом к стеклу) нашу с ней поездку в такси, на телестудию. Это точно было весной, только вот не помню, в каком году, возможно даже, я тогда еще не работал на телевидении, и мы ехали куда-то еще. Но я точно помню другое: я дал таксисту пятьдесят тысяч лир, а он, вместо того чтобы дать сдачи, заявил, что получил от меня ровно десять тысяч, началась перебранка, причем этот парень нагрубил не только мне, но и Ванде, которая, желая поддержать меня, сказала, что своими глазами видела купюру в пятьдесят тысяч лир. И тут я перешел на жесткий тон, каким умею говорить при необходимости. Я попросил таксиста назвать свои имя, фамилию и все остальное и сказал, что он может оставить эти сорок тысяч себе, но я сейчас же пойду в полицию. Сначала он сказал, вернее, злобно прошипел то, что я хотел узнать, потом проворчал что-то типа «и зачем только я сегодня вышел на работу, у меня же грипп», но в конце концов отдал деньги. «Помнишь?» – торжествующе спросил я Ванду.

Моя жена проснулась и недоуменно взглянула на меня.

– Ты что-то путаешь, – произнесла она ледяным тоном.

– Все так и было.

– Это не я была с тобой в такси.

И тут я почувствовал, что краснею от стыда, причем снизу вверх – краска залила сначала грудь, потом шею, потом лицо, но я согнал ее обратно.

– Конечно, это была ты.

– Ладно, хватит.

– Ты просто забыла.

– Я сказала: хватит.

– Ну, может, я был один, – пробормотал я и умолк так же внезапно, как до этого заговорил.

Остаток пути мы провели в хмуром молчании. Настроение у нас немного улучшилось, только когда мы приехали в гостиницу и зашли в номер с видом на пляж и море. Вечером мы пошли на ужин, который показался нам отличным, а вернувшись в номер, обнаружили, что кондиционер работает почти бесшумно, а матрас и подушки достаточно жесткие, чтобы поддержать больную спину Ванды. Мы приняли свои пилюли и сразу провалились в сон.

Мало-помалу я успокоился. Погода всю неделю стояла прекрасная, вода в море была прозрачная, мы подолгу купались и гуляли. Дома в поселке и природа вокруг не имели в себе ничего примечательного, в определенное время дня море под жарким солнцем переливалось всеми оттенками зеленого и синего, закаты были ярко-красными. И пусть за завтраком, обедом и ужином народ соревновался, кто нахватает больше еды со шведского стола, и Ванда ругала меня за то, что я не набираю полную тарелку, пусть в зале ресторана слышался неутраченный крик и писк детей и взрослых, и пусть служащие гостиницы предупреждали нас, что после одиннадцати вечера не надо выходить на пляж, это опасно (а на случай, если мы не поверим, запирали решетчатую ограду на всю ночь, как со стороны моря, так и со стороны дороги), все же мы прекрасно отдохнули.

– Какой приятный ветерок!

– Я много лет не видела такой чистой воды.

– Смотри, как бы тебя не обожгла медуза.

– Ты видел здесь медуз?

– Кажется, нет.

– Так зачем ты меня пугаешь?

– Я просто так сказал.

– Ага, чтобы отравить мне удовольствие от купания.

– Да нет же.

Благодаря настойчивости Ванды нам даже удалось получить места под зонтом на первой линии. Мы устраивались в тени на лежаках у сонной воды, моя жена читала толстые научно-

популярные книги, иногда делясь со мной какими-нибудь сведениями о субатомном мире или о глубоком космосе, а я читал романы и стихи, иногда произнося некоторые строки вслух, не столько для нее, сколько для собственного удовольствия. Часто, сидя на террасе после ужина, мы одновременно видели след от падающей звезды, и это приводило нас в восторг. Мы восхищались ночным небом, напоенным ароматами воздухом, и уже в середине недели не море, не пляж, а вся планета казалась нам чудом. В оставшиеся дни мне было необыкновенно хорошо. Я наслаждался тем, что уже семьдесят четыре года представляю собой удачную трансмутацию звездного вещества, кипящего в горниле Вселенной, фрагмент живой и мыслящей материи, к тому же не страдающий подагрой и по чистой случайности имеющий небогатый опыт несчастий и бед. Единственным неудобством были комары, которые по ночам кусали преимущественно меня, а Ванду оставляли в покое, так что она даже утверждала, что их в комнате нет. А в остальном жизнь была прекрасна, и в настоящем, и в прошлом. Я удивлялся собственному оптимизму, чувству, к которому у меня нет ни малейшей предрасположенности.

Вот только когда настало время возвращаться – мы выехали в шесть утра, чтобы не попасть в пробки, – все пошло уже не так хорошо. Небо заволочло тучами, полетели крупные, тяжелые капли дождя, и автострада, которую под оглушительные раскаты грома озаряли вспышки молнии, казалась гораздо более опасной, чем неделю назад. Я вел машину один, как и в прошлый раз (Ванда водит отвратительно), хотя часто, особенно на поворотах, мне казалось, что нас сейчас занесет, и мы застрянем между колесами какой-нибудь фуры или врежемся в ограждение.

- Зачем ты так гонишь?
- Я не гоню.
- Давай остановимся и подождем, пока дождь перестанет.
- Он не перестанет.
- О Мадонна, какая молния!
- А какой сейчас гром будет!
- Как думаешь, в Риме тоже гроза?
- Понятия не имею.
- Лабес боится грома.
- Ничего, переживет.

Пока мы были на море, моя жена упоминала о коте, только когда звонила Сандро или Анне, узнать, все ли в порядке, но на обратном пути говорила о нем часто и с большой тревогой. Лабес был олицетворением спокойствия в доме, куда ей не терпелось вернуться, хотя она и ругала меня за быструю езду. Тревога еще усилилась, когда мы увидели, что и в Риме дождь льет как из ведра, вдоль тротуаров текут грязные ручьи, перед решетками водосточков образуются огромные темные лужи. Мы добрались до дому в два часа дня, на улице стояла душлимая жара, несмотря на ливень. Я вытащил багаж. Ванда попыталась держать надо мной зонтик, но в результате поливало нас обоих, и я сказал ей: сам справлюсь, зайди внутрь. Немного поспорив, она так и сделала, а я взвалил на себя чемоданы и сумки и, мокрый до нитки, зашел в подъезд. Жена, которая уже успела подняться наверх, крикнула мне с лестничной площадки:

- Оставь вещи у лифта и поднимайся скорей!
- Что случилось?
- Я не могу открыть дверь.

4

Я не придавал этому значения. Если Ванда несколько минут подождет, мир не рухнет, подумал я, и стал заносить вещи в лифт. Она звала меня опять и опять, все более настойчиво, а я спокойно отвечал: сейчас, я уже скоро. Только выгрузив чемоданы и сумки на площадку, я

понял, что она по-настоящему напугана. Она повернула ключ в замке, как обычно, но дверь не открывалась. «Смотри», – показала она на приоткрытую створку. Я толкнул дверь, но что-то мешало ей открыться полностью. Тогда, вывернув шею так, что стало больно, я с трудом просунул голову в образовавшуюся щель.

– Ну что? – с беспокойством спросила Ванда, держа меня за рубашку, словно я мог улететь.

– Там все перевернуто.

– Где?

– Внутри.

– Кто это сделал?

– Не знаю.

– Я звоню Сандро.

Я напомнил ей, что наши дети уехали на отдых. Сандро наверняка сегодня утром отправился во Францию с детьми Коринны, а где была Анна, я не имел понятия. Все равно позвоню, настаивала Ванда, которая больше полагается на своего сына, чем на меня, и уже полезла в сумочку за телефоном, но вдруг передумала. Она вспомнила о Лабесе и стала звать его громким, повелительным голосом. Мы прислушались. Но не услышали ничего – ни шороха, ни мяуканья. Тогда мы вдвоем нажали на дверь, она заскрежетала о пол, щель расширилась. И я вошел.

Наша прихожая, всегда такая чистая и аккуратная, сейчас была неузнаваема. По гостиной словно прошел паводок: перевернутые стол и диван лежали один поверх другого. На полу – опрокинутый набок старенький письменный стол Анны. Ящики из него выпали – или были вынуты, – и все, кроме одного, вывернуто, под ними валялись разбросанные тетрадки, карандаши, ручки, циркули и куклы, которые принадлежали нашей дочери в детстве и в отрочестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.